

Содержание

Предисловие автора	7
Глава I. (Глупость одним своим видом разгоняет заботы слушателей)	12
Глава II. (Содержание речи)	13
Глава III. (Почему Глупость сама себя хвалит) ...	13
Глава IV. (Почему говорит без подготовки) ...	15
Глава V. (Глупость сразу же сама себя выдает)	15
Глава VI. (Подражание риторам)	16
Глава VII и VIII. (Родословная Глупости, место ее рождения, ее кормилицы)	17
Глава IX. (Спутники Глупости)	19
Глава X, XI и XII. (Глупости люди обязаны и самой жизнью, и всеми житейскими благами)	20
Глава XIII. (Родство Глупости с детством и старостью)	23
Глава XIV. (Глупость продлевает юность и отгоняет старость)	26
Глава XV. (Боги особенно нуждаются в Глупости)	28
Глава XVI. (Приправа Глупости нужна повсюду)	30
Глава XVII. (Благодаря Глупости женщины правятся мужчинам)	31

Глава XVIII. (Глупость — лучшая приправа на пиру)	33
Глава XIX. (Она же — соединительница друзей) . . .	34
Глава XX. (Примирительница супругов)	36
Глава XXI. (Связующее начало всякого человеческого общества)	37
Глава XXII. (Почему Филавтия именуется родной сестрой Глупости)	37
Глава XXIII. (Глупость — причина войн)	39
Глава XXIV и XXV. (Невыгоды Мудрости)	40
Глава XXVI. (Сила всякого вздора в народе) . . .	43
Глава XXVII. (Жизнь человеческая — только забава Глупости)	44
Глава XXVIII. (Науками и искусствами люди обязаны жажде суетной славы)	45
Глава XXIX. (Глупость требует, чтобы ее похвалили за рассудительность)	46
Глава XXX. (Глупость ведет к мудрости)	49
Глава XXXI. (Только благодаря Глупости жизнь бывает сносной)	51
Глава XXXII и XXXIII. (Науки изобретены на пагубу роду людскому, среди них особенно ценятся те, которые связаны с Глупостью)	54
Глава XXXIV. (Из животных всего счастливее те, которые не знают никакой дрессировки)	58
Глава XXXV, XXXVI и XXXVII. (Дураки, юродивые, глупцы и слабоумные гораздо счастливее мудрецов)	59
Глава XXXVIII. (Почему следует отдать предпочтение безумию)	64

Глава XXXIX. (Безумие супругов, охотников, строителей и игроков)	67
Глава XL и XLI. (Суеверы)	69
Глава XLII. (Люди, бахвалящиеся благородством своего происхождения)	74
Глава XLIII. (Филавтия отдельных смертных, народов и городов)	75
Глава XLIV. (Сестра Филавтии — Лесть)	76
Глава XLV. (Счастье зависит от нашего мнения о вещах)	78
Глава XLVI. (Глупость на всех смертных равно изливает свои благодеяния)	80
Глава XLVII. (Снисходительность Глупости) . . .	81
Глава XLVIII. (Различные виды и формы Глупости)	83
Глава XLIX. (Грамматики)	86
Глава L. (Поэты)	89
Глава LI. (Правоведы)	92
Глава LII. (Философы)	93
Глава LIII. (Богословы)	95
Глава LIV. (Иноки и монахи)	103
Глава LV и LVI. (Короли и вельможи)	112
Глава LVII. (Епископы)	116
Глава LVIII. (Кардиналы)	117
Глава LIX. (Верховные первосвященники) . . .	118
Глава LX. (Германские епископы)	122
Глава LXI. (Фортуна благоприятствует Глупости)	124
Глава LXII. (Свидетельства древних)	126

Глава LXIII. (Свидетельства Священного Писания)	127
Глава LXIV и LXV. (Лукавые толкователи слов Священного Писания.)	133
Глава LXVI. (Христианская вера сродни Глупости).	142
Глава LXVII. (Вышей наградой для людей является своего рода безумие)	147
Глава LXVIII. (Эпилог)	149
Эразм и его «Похвала Глупости» <i>Л. Е. Пинский</i>	151
Комментарии <i>Л. Е. Пинский</i>	193

Предисловие автора

*Эразм Роттердамский своему милому
Томасу Мору¹ посылает привет.*

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, расточалось в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случалось отведать в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. «Что за Паллада внушила тебе эту мысль?» — спросишь ты. Прежде всего, навело меня на эту мысль родовое имя Мора, столь же близкое к слову «мория»², сколь сам ты далек от ее существа, ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше. Затем мне казалось,

что эта игра ума моего тебе особенно должна прийти по вкусу, потому что ты всегда любил шутки такого рода, иначе говоря — ученые и не лишены соли (ежели только не заблуждаюсь я в оценке собственного моего творения), и вообще не прочь был поглядеть на человеческую жизнь глазами Демокрита³. Хотя по исключительной прозорливости ума ты чрезвычайно далек от вкусов и воззрений грубой толпы, зато благодаря необыкновенной легкости и кротости нрава можешь и любишь, снисходя до общего уровня, играть роль самого обыкновенного человека. А значит, ты не только благосклонно примешь эту мою ораторскую безделку, эту памятку о твоём товарище, но и возьмешь ее под свою Защиту; отныне, тебе посвященная, она уже не моя, а твоя.

Найдутся, быть может, хулители, которые станут распространять клевету, будто легкие эти шутки не к лицу теологу и слишком язвительны для христианского смирения; быть может, даже обвинят меня в том, что я воскрешаю древнюю комедию или, по примеру Лукиана⁴, подвергаю осмеянию всех и каждого. Но пусть те, кого возмущают легкость предмета и шутливость изложения, вспомнят, что я лишь последовал примеру многих великих писателей. Сколько веков тому назад Гомер воспел Батрахомиахию⁵, Марон — комара и чесночную закуску⁶, Овидий⁷ — орех! Поликрат написал похвальное слово Бусириду, которое затем исправил Исократ⁸, Главк восхва-

лял неправосудие⁹, Фаворин — Терсита¹⁰ и пере-
межающуюся лихорадку, Синесий¹¹ лысину. Лу-
киан — муху и блоху¹², Сенека сочинил шуточный
апофеоз Клавдия¹³, Плутарх — разговор Грилла
с Улиссом¹⁴, Лукиан и Апулей — похождения ос-
ла¹⁵ и уже не помню кто — завещание поросенка¹⁶
по имени Грунный Корокотта, о чем упоминает
св. Иероним¹⁷.

Если же всего этого мало, то пусть вообразят
строгие мои судьи, что мне пришла охота по-
играть в бирюльки или поездить верхом на длин-
ной хворостине. В самом деле, разрешая игры лю-
дям всякого звания, справедливо ли отказывать
в них ученому, тем более если он так трактует
забавные предметы, что читатель, не вовсе бес-
толковый, извлечет отсюда более пользы, чем из
иного педантского и напыщенного рассуждения?
Вот один в терпеливо составленной из разных
кусков речи прославляет риторику и филосо-
фию, вот другой слагает хвалы какому-нибудь
государю, вот третий призывает к войне с тур-
ками. Иной предсказывает будущее, иной под-
нимает новые вопросы — один другого пустячнее
и ничтожнее. Но ежели ничего нет нелепее, чем
трактовать важные предметы на вздорный лад, то
ничего нет забавнее, чем трактовать чушь таким
манером, чтобы она отнюдь не казалась чушью.
Конечно, пусть судят меня другие: однако коль
скоро не вконец обольстила меня Филавтия¹⁸, то
сдается мне, что я восхвалил Глупость не совсем
глупо. Что же касается пустого упрека в излиш-

ней резкости, то отвечу, что всегда дозволено было безнаказанно насмехаться над повседневной человеческой жизнью, лишь бы эта вольность не переходила в неистовство. Весьма дивлюсь я нежности современных ушей, которые, кажется, ничего не выносят, кроме торжественных титулов. Немало также увидишь в наш век таких богомоллов, которые скорее стерпят тягчайшую хулу на Христа, нежели самую безобидную шутку насчет папы или государя, в особенности когда дело затрагивает интересы кармана. Но если кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещание? А в противном случае сколь часто пришлось бы мне обращаться с укорами и порицаниями к самому себе! И, наконец, кто не щадит ни одного звания в роде людском, тот ясно показывает, что не против отдельных лиц, а только против пороков он ополчился. Итак, если кто теперь станет кричать, жалуясь на личную обиду, то лишь выдаст тем свой страх и нечистую совесть. Куда вольней и язвительней писал св. Иероним, не щадивший и имен порою! Я же не только избегал повсеместно имен собственных, но сверх того старался умерить всячески слог, дабы разумному читателю сразу же было понятно, что я стремлюсь скорее к смеху, нежели к злomu глумлению. Я не хотел по примеру Ювенала¹⁹ ворошить сточную яму тайных пороков и охотнее выставлял напоказ смешное, нежели гнусное.

Того, кто не удовлетворится всем сказанным, прошу вспомнить для утешения, что весьма почетно служить жертвою нападок Глупости, от лица которой я взял слово. Впрочем, стоит ли говорить все это такому искусному адвокату, как ты²⁰; и без того ты сумеешь отстоять наилучшим образом даже и не столь правое дело. Прощай же, мой красноречивейший Мор, и Морию твою защищай всеусердно.

*Писано в деревне
10 июня 1508 г.²¹*

Глупость говорит:

ГЛАВА I

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, — мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, — все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство — перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоящего на непенте¹, а ведь только что вы сидели печальные и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры². Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, стара-

тельно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением.

ГЛАВА II

Чего ради выступаю я сегодня в несвойственном мне облиции, об этом вы узнаете, ежели будете слушать внимательно, — не так, как слушают церковных проповедников, но как внимают рыночным скоморохам, шутам и фиглярам или так, как наш друг Мидас слушал некогда Пана¹. Ибо захотелось мне появиться перед вами в роли софиста, но только — не одного из тех, которые ныне вколачивают в головы мальчишкам вредную чушь и научают их препираться с упорством, более чем бабьим. Нет, я хочу подражать тем древним грекам, которые, избегая позорной клички мудрецов, предпочли назваться софистами². Их тщанием слагались хвалы богам и великим людям. И вы тоже услышите сегодня похвальное слово, но не Гераклу и не Солону³, а мне самой, иначе говоря — Глупости.

ГЛАВА III

Воистину не забочусь я нисколько о тех лобомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если

уж им так хочется, — лишь бы зазорно не было. Кому, однако, как не Глупости, больше подобает явиться трубачом собственной славы и самой себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот, кому я известна ближе, нежели себе самой! Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего. Удерживаемые ложным стыдом, они не решаются выступить сами, но вместо того нанимают какого-нибудь продажного ритора или поэта-пустозвона, из чьих уст выслушивают похвалу, иначе говоря — ложь несусветную. Наш смиренник распускает хвост, словно павлин, задирает хохол, а тем временем бесстыжий льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам, выставляет его образцом всех доблестей, до которых тому, как до звезды небесной, далеко, наряжает ворону в павлиньи перья, старается выбелить эфиопа и из мухи делает слона. Наконец, я применяю на деле народную поговорку, гласящую: «Сам выхваляйся, коли люди не хвалят». Не знаю, чему дивиться лености или неблагодарности смертных: хотя все они меня усердно чтут и охотно пользуются моими благодеяниями, никто, однако, в продолжение стольких веков не удосужился воздать в благодарственной речи похвалу Глупости, тогда как не было недостатка в охотниках сочинять, не жалея лампового масла и жертвуя сном, напыщенные славословия Бусиридам, Фаларидам¹, перемежающимся лихорадкам, мухам, лысынам и тому по-

добным напастям. От меня же вы услышите речь, не подготовленную заранее и не обработанную, но зато тем более правдивую.

ГЛАВА IV

Не хотелось бы мне, чтобы вы заподозрили меня в желании блеснуть остроумием по примеру большинства ораторов. Ведь те, — дело известное, когда читают речь, над которой бились лет тридцать, а иногда так и вовсе чужую, то дают понять, будто сочинили ее между делом, шутки ради, в три дня, или просто продиктовали невзначай. Мне же всегда особенно приятно было говорить то, что в голову взбредет. И да не ждет никто, чтобы я по примеру тех же заурядных риторов стала предлагать вам здесь точные определения, а тем более разделения. Ибо как ограничить определениями ту, чья божественная сила простирается так широко, или разделить ту, в служении которой объединился весь мир? Да и вообще, к чему выставлять напоказ тень мою или образ, когда вот я сама стою здесь перед вами? Видите? Вот я, Глупость, щедрая подательница всяческих благ, которую латиняне зовут Стультицией¹, а греки — Морией.

ГЛАВА V

Да и вообще — нужны ли здесь слова? Разве само чело мое и лик, как говорится, не достаточно свидетельствуют о том, кто я такая? Если бы кто даже